

Галина Маас

Один день

МБУК «Универсала»

ОДИН ДЕНЬ

*"Дней сползающие слизи,
Строк поденная швея...
Что до собственной мне жизни?..
Не моя, раз не твоя..."*

(Марина Цветаева)

Свет трогает веки мягкой кошачьей лапкой...
Первая мысль: «О Господи... Опять... Только ведь уснула...»

Рукой проталкиваясь сквозь туман не рассеявшегося сна, нашариваю телефон и с трудом приоткрываю левый глаз. Шесть пятьдесят шесть. Сейчас зазвонит, сволочь. Негнувшись пальцем жму кнопку и роняю мобильный в складки пледа. Мозг, так и не успевший уснуть как следует, умоляюще стонет: «Вставай, а то будешь метаться, как ошпаренная, и обязательно что-нибудь забудешь...»

Едва начавшее просыпаться тело вяло протестует, напрочь отказываясь выполнять запрограммированные мозгом движения. Тот, отчаявшись справиться с саботажем, включает автопилот, и я наконец, пошатываясь, поднимаюсь. Дальше – на автопилоте: свернуть белье, умыться, одеться, собрать сумку. Под ногами, канюча, путается кот. Ну да, конечно... «Мы в ответе за тех, кого приручили». Помыть кормушки, положить рыбу и корм, налить воды, вымыть лоток. «Ну все? Иди ешь уже!.. И заткнись ради Бога. Без тебя тошно...»

Ага, раз тошно, значит, проснулась наконец душа. Причем в таком состоянии, что взятка из зеленого чая и сигареты ее абсолютно не удовлетворяет. Издерганная и измученная, она настойчиво тянет физическое тело к ноутбуку и, несмотря на ничтожно малый запас времени, заставляет включить этот источник наркотической зависимости. Пока пальцы нашаривают косметику, разбросанную по дивану вне пределов видимости, глаза упрямо пялятся в экран.

- Да нет там ничего! - возмущенно шипит мозг. - Быстро рисуй лицо,

а то на автобус опоздаешь! Будешь на морозе топтаться двадцать минут!..

Душа раздраженно отмахивается и заставляет пальцы щелкать кнопками мыши. Напряженно замирает... И в восторге кричит мозгам: «Я говорила! Говорила!.. Вот же оно – сообщение!..» И жадно вчитывается в каждое слово, как можно дальше задвинув разум, долг, совесть и все остальное, что к ней свыше прилагается. Полученная ею «доза» делает свое дело – душенька моя впадает в наркотический сон, полный чудных и несбыточных видений. Пока она недееспособна, я успеваю накраситься, одеться, подхватить сумку, захлопнуть дверь и домчаться до автобусной остановки.

Холодно, блин. Дубленка греет от силы на одну десятую своей стоимости, которую, затянув поясок на горле, придется выплачивать еще месяца три. Народ ёжится на ледяном ветру, с тоскливой надеждой вглядываясь в перспективу дороги. А вот и Галя бежит, помахивая компактно-бездонной сумочкой. При виде нее мозг переключается на рабочие проблемы и мучительно пытается выстроить график действий на сегодня. Здороваясь с Галей, я уже отчетливо понимаю, что мне предстоит еще один выматывающий все силы и нервы день...

О, наконец-то автобус на подходе! Как только тело принимает сидячее положение, перед организмом встает трудноразрешимая дилемма – доспать или сделать энергетическую зарядку? В результате происходит нечто среднее: глаза закрыты, тело расслаблено, мозг в полусне, душа в транс... Эфирное тело качает энергопотоки: вдох, выдох, вдох, выдох... Ярко-золотистое – вверх, светящееся зеленое – вниз. Медленно разгораются чакры: красное, оранжевое, золотисто-желтое, зеленое, голубое... С синим вечно проблемы. Ну, не работает у меня «третий глаз»! Раз третий не работает, открываю первый и второй. С мрачным удовлетворением понимаю, что вижу чужие ауры. Ой, у женщины впереди какая интересная – почти синяя... Что бы это значило?

Думать дальше некогда, потому что мозг фиксирует Галкины передвижения к двери. Елки-палки! Еще чуток, и проехала бы собственную остановку!

Вываливаюсь из автобуса, натягивая на голову капюшон. Все равно

холодно. Ветер пронизывает насквозь. Пока в вынужденном молчании преодолеваем дистанцию длиной в сто пятьдесят метров, пробираясь через снежные заносы, мозг устало констатирует, что вся моя жизнь проходит на ледяном ветру, и шлет проклятие злополучной картине, созданной мимолетным прозрением бывшего мужа и мистически определившей русло этой самой жизни.

Ноги скользят по ступенькам крыльца, со скрипом открывается дверь... Тело напрягается, принимая боевую готовность... Сейчас начнется.

Точно. Меня встречает грустно-обреченный взгляд другой Гали, и мой язык почти автоматически произносит: «Здравствуйте. Что у нас плохого?» Кто бы мог подумать лет десять назад, что фразочка булычевского героя станет моим традиционным приветствием?

Плохого оказывается достаточно, чтобы взвинтить нервы и дать понять, что основную работу делать придется дома – вечером и ночью. Мгновенно начинает канючить вывихнутое когда-то плечо, доведенное круглосуточной работой за компьютером до степени полной инвалидности. Мозг истошно вопит примерно следующее: «Ненавижу администрацию! Ненавижу чиновников-учредителей, обнаглевших от ложного сознания собственной значимости и катастрофическими темпами погружающихся в маразм! Ненавижу, когда не дают выполнять нужную людям работу, истерически требуя, чтобы все мы переключились на выполнение бессмысленно-грандиозных проектов, сочиняемых ими в немыслимых масштабах и количествах! Ну почему я, художник, выполняющий обязанности заведующего экспозиционно-выставочным отделом, должна расплываться на проекты, никакого отношения к музею не имеющие?! Причем в рабочее время!» Однако попробуй послать все и вся к «едрени фене», если на тебя с надеждой смотрят испуганно-умоляющие глаза директрисы, которой в случае неповиновения предстоит публичное четвертование на планерке руководителя администрации... У нее пацан учится в Питере, в институте. Ей нужна зарплата и эта должность и совсем не нужны проблемы...

Ах, у нас еще и ремонтно-сварочные работы! Замечательно. Значит, вместо работы сейчас придется в сотый раз таскать мебель, освобождая кабинет, а самим ютиться в одном из экспозиционных залов. Опять разгром, разброд и шатания! Бог ты мой!

Душа от такой встряски ненадолго выходит из наркотического дурмана и, постепенно осознав весь ужас положения, начинает жалобно ску-лить. У нее свои проблемы, состоящие в том, что любимый человек все больше отдаляется, предоставленный соблазнительному разнообра-зю жизни. Она уже понимает, что не будет у меня ни сил, ни вре-мени не только встретиться с ним, но даже «поговорить» в Интерне-те. Ей от этого жутко паршиво.

Так, душа, заткнись! Погнали. Время дорого.

Рядом со мной мечтаю, перетаскивая горы папок и вспомогательного материала к экскурсиям двое моих подчиненных, представляющих собой два диаметрально противоположных подхода к решению рабочих проб-лем. Одна, обладая по-вятски чистыми голубыми глазами и невысшимым чувством природного такта, предпочитает биться над ними самосто-ятельно и обращаться за помощью лишь тогда, когда ей становится совершенно ясно, что «дело – труба». При этом дико смущается и чувствует себя виноватой, даже если данная проблема была заведомо неразрешима. Другая предпочитает кардинально иной подход: будет канючить и стоять над душой до тех пор, пока я не приду в полное отчаяние и не возьму на себя львиную долю застопорившейся работы. Bravo! Всегда поражалась умению подобных людей выживать в любых условиях...

Так, барахло перетаскивали, теперь дело за нашими мужиками – в их ве-дении перетаскивание столов. Чего, интересно, наши прочие девушки мечтают? И директор то и дело обеспокоено заглядывает на кухню.. О, и фондовики зачем-то явились... Ах, у нас завтра двадцать третье февраля?! Боже ж ты мой! Уже завтра! А когда ж я брату-то подарок буду искать?! Я ж последнюю неделю к музею буквально пудовыми це-пями прикована. Почему? Я – дежурный сотрудник. У нас эта перехо-дящая должность равносильна штрафбату, ибо сотрудник, отмеченный в графике недрогнувшей рукой научного секретаря роковой буквой «Д», принимает на себя все тяготы и невзгоды координирования действий при возникающих внештатных ситуациях. А возникают они постоянно. Причем в жутком разнообразии. От сбоев в работе «сигналки» и ка-нализационного потопа в подвале до сварочных работ, которые «вы-носят мозг» уже неделю.

- Народ, бросили все и побежали на "кухню"! У нас поздравлялки.

Втискиваемся в "кухню". Шестнадцать человек – в конуре размером метр на три. Плюс стол и стулья. До чайника и захочешь – не дотянешься. Сижу, как на иголках. Поздравлялки – дело нужное, но время уходит с катастрофической скоростью, а мне еще надо умудриться сверстать грамоты, набрать и распечатать тексты для карточек с вопросами викторины и спроворить кое-какой реквизит для мероприятия, планирующегося на следующей неделе, а, кроме того, поработать с презентациями участников этого самого мероприятия. День кошек, будь он неладен!

Про не начатый проект интерьера второго этажа Дворца культуры вообще лучше не думать, а то крышу снесет.

Душа опять очнулась и скулит: «Забей! Ну, пожалуйста, забей на все! Позвони Ему! Позвонииииии...» Мозг аж подскакивает от такой безответственности: «Заглохни, дура! Проект надо сдать на крайняк в среду! Делать его на неделе будет некогда! Так что в выходные – пахать и пахать! И без разговорчиков в строю!»

Жую торт и глотаю чай, не чувствуя вкуса. Да простят меня наши мужики, но мне сейчас абсолютно не до них. Меня больше занимает то, что в два часа будет машина, и за час нам надо умудриться перевезти из музея в «художку» мольберты, а из девятой школы в музей – девять тяжелых стендов размером метр на два. Кроме того, надо еще подключить компы, чтоб девушки мои могли работать в мое отсутствие, и выяснить у сварщиков, какие еще площади, кроме кабинетов, подготовить для сварочных работ.

Выцарапавшись вдоль стеночки из-за стола, испытываю некоторое облегчение, ибо на десяток минут, пока к системникам подсоединяются мониторы и все остальные причиндалы, мне кажется, что я бегу все-таки ноздря в ноздю со временем. Как бы не так! Настойчиво вытягивая из сварщиков скудную оперативную информацию, понимаю, что подъехала наша «газель» – по встревоженному шуму голосов в фойе и высоким истерическим ноткам в этих самых голосах. Боже, как бы не забыть позвонить одной из участниц будущего мероприятия, чтоб отправила по «мылу» фотографии для презентации!

Вылетаю в фойе на первой космической скорости, на ходу пытаюсь по-

пасть в рукава дубленки. Черт! Плечо опять прошивает парализующей острой болью, на несколько секунд превращая меня в шипящую от ярости змею. Впрочем, за последние полгода во мне и так мало что осталось от человека и почти ничего – от женщины. Следующие несколько минут, стиснув зубы и матерясь злобным шепотом, вместе со всеми таскаю мольберты и утрамбовываю их в салоне «газели». Отбываем мы в «художку» взъерошенными и злыми, потому что в последний момент перед отъездом выясняется, что надо заехать еще и в библиотеку, чтобы забрать там наши витрины. Елки-палки! Куда ж еще и витрины впихнуть?! Салон же не резиновый, а щиты с выставкой и так сожрут три четверти его внутреннего пространства! Мозг, не расслабляющийся ни на минуту, скорбно констатирует очевидный факт: из школы в музей придется ковылять пешком.

Дальше все как в дурном сне: в машине навалом двенадцать мольбертов, две витрины и четверо нас, причем мы, люди, обладаем весьма различными габаритами. При поездке по нашим дорогам все, находящееся в салоне, напоминает жутковатого, судорожно подергивающегося монстра-киборга. В «художке» мольберты передаются по цепочке, подобно ведрам на пожаре. Две минуты от одной школы до другой дышим с облегчением. Душа словно подкарауливала – тут же заныла, словно больной зуб: «Опять всю ночь за работой! Не хочу! Не буду! Хочу к НЕМУУУУУУ!» Мозг, подлюга, тут же отозвался моментально сгенерированными картинками: чуть склоненная на бок голова, пронизательно-лукавый взгляд прищуренных глаз, улыбка...

Душа, а ты знаешь, что я способна тебя кому угодно продать за эту его улыбку? Знаешь? Тогда помолчи.

Это длится недолго. Торможение. Хриплый стон отодвигающейся дверцы. Выбираемся из машины, стучаясь коленями об острые углы витрин. Кажется, что углов этих по меньшей мере сотня. Пробегая через холл школы, бросаю мимолетный взгляд в зеркала. Господи Боже! Художественный образ ядерной войны. Лучше не смотреть. Душа съезживается, а мозг мимоходом язвит: «Ну, и кому ты такая нужна?» Внутренний голос не остается в долгу: «Заткнись, придурок! Разуй глаза и фиксируй, что под ногами, а то как навернемся с лестницы с этими гробами весом в полтора пуда – мало не покажется!»

И понеслось: вверх – на третий этаж – порожняком, вниз – к машине

- с грузом; вверх-вниз, вверх-вниз... Пот ручьями течет по спине; плечо, неудобно выворачиваясь, просто вопит болью. Для полноты ощущений в дверях с доводкой получаю еще и удар ручкой по хребту. Хорошо хоть синяка не увижу по понятным причинам.

Щиты заканчиваются внезапно - в тот момент, когда мы понимаем, что салон «газели» набит «под завязку». Машина отбывает в музей, а мы, взмыленные, точно скаковые лошади, несемся туда же пешком. Нам уже как-то нет дела до двадцатиградусного мороза с ветерком.

Благодаря маршруту, проложенному «огородами», прибегаем в фонды как раз к той минуте, когда Александр Иванович открывает задние дверцы «газели». Дух переводить некогда. И снова щиты на наших спинах «въезжают» в фондохранилище. Отпускаем машину и унылым «шнурком» плетемся в музей. Душа сидит тихо - то ли обиделась, то ли в обмороке. Бог с ней. Может, и к лучшему.

Надо собственный комп подключить: работы с презентациями полно, и макеты грамот надо сверстать сегодня. Надо. Только через пару минут, иначе просто сдохну.

Тайм-аут в сварочном дыму и карбидном аромате. Вкус сигареты практически не ощущается. Может, потому что держу ее в левой руке? Правая просто не поднимается - колодой висит на шарфе, исполняющем роль перевязи. Все мертво: эмоции выдохлись, мышцы окаменели, душа в обмороке, мозг в коме. Под черепом тупо пульсирует куцая мысль: «Надо собраться... Надо собраться... Надо собраться...»

Синкопа: «Блин... Как же теперь мышь гонять?»

Тем не менее, сметенные по сусекам остатки силенок позволяют справиться со змеящимися по залу проводами и компьютером и даже засесть за работу. Не замечая хода времени, судорожно дергаю мышку: щелк-щелк-щелк... Твою налево! Пальцы сводит от напряжения, глаза по той же причине буквально лезут на лоб.

фотографии обрезаются, обрабатываются, вставляются...

Накладываются узоры и эффекты, вводится и компоуется текст.

Кошки, кошки, кошки...

Вокруг ходят, что-то делают, говорят...

Бродят посетители, испуганно отшатываясь от превратившегося в первалочную базу экспозиционного зала.

Мимолетный взгляд на панель с часами. Ё-моё! Уже без десяти пять! Судорожно сохраняются файлы, сбрасываются на флешку. Ураганом несусь в административный блок, запускаю на печать макеты грамот. Пока они печатаются, торопливо сгребаю в сумку все, что может потребоваться для работы ночью, распахиваю по ящикам стола документы и раздрызганную кучу листков с «записками сумасшедшего» – мои так называемые планы работы на ближайшие дни и на полгода вперед. Как бы найти их завтра...

Мчусь к принтеру, выхватываю с лотка распечатанные грамоты, подсовываю секретарю – поставить печать, потом директору – поставить подпись. А мозг в это время, дымясь от усилий, пытается выстроить эффективный маршрут по поиску и покупке подарков к празднику.

Время – пять. Поспешно попрощавшись, вылетаю за дверь родного учреждения и, ежась на холодном ветру, на автопилоте двигаюсь в сторону «Детского мира», который давно уже не детский. К вечеру Бог, похоже, начинает меня немного любить: я нахожу на прилавке то, что мне нужно – два свежих номера журнала «За рулем». Надо же... С чего бы это? Наверное, запас трудностей на сегодня исчерпался. Из «Мира» по дворам пробираюсь в «Каприз»: там должен быть хороший шоколад. Офигеть! Он там действительно есть! Мозг недоумекает, душа пытается слабо улыбнуться. Дальше – «Адак». И коньяк есть престижной марки! С ума сойти... Наверное, меня где-то в другом месте ждет какая-то гадость.

У жизни есть непреложные законы. Один из них – закон равновесия плохого и хорошего. В соответствии с ним я дохожу до стадии оледенения к тому моменту, когда на горизонте появляется автобус. Как едем, помню смутно. Хорошо, хоть с кресла не падаю. С ледяным звоном.

Дома тоже не до релаксации. Там опять законы: «мы в ответе...» и так

далее.

- Кот, я все понимаю! Но кто бы меня саму погладил, и хоть раз - не против шерсти!

Глотаю чай. Вкуса не чувствую. Сытости тоже. Ну и фиг с ними...

Так, что там у нас на повестке дня? То есть ночи... Найти и скачать программу для монтажа и конвертирования видео. Сверстать две презентации. Отредактировать сценарий. Накачать большие фото диких кошек в высоком разрешении. Черт... Опять большую часть ночи проведу за компьютером!

Господи, когда же закончится эта сумасшедшая гонка?!

В голове моментально всплывает фраза из голливудского блокбастера "Глубокое синее море": "Он всегда отвечает. Только нам его ответ может не понравиться".

Знаете, а мне уже как-то все равно. И если мне всю ночь придется провести за компом... Курсор рывком перемещается на закладку. Щелчок - и я в Сети. Надо поздравить ребят с праздником. Почти час ша-рахаюсь по страницам друзей, отправляя открытки и сообщения. Тот, кто первым стоит в списке друзей, тот, кого я всегда жду, получает поздравление последним. Душа, недовольно нахохлившись, наблюдает, как набираются стихотворные строки. Я знаю, почему она дуется: считает, что все мои экзерсисы его просто недостойны. Мозг соответственно впадает в цинизм и начинает живодерски подсчитывать, сколько раз слезы, смех и пламя моей души падали в пустоту, не вызывая даже эха. Да пусть подавится своими подсчетами!

Все. Отправила. Оставила открытой страницу, включила музыку и занялась работой. Ушла на погружение... Очнулась через час. От выскокившего поверх окна "фотошопа" сообщения. Душа вздрогнула и прижалась к ребрам так, что перехватило дыхание.

Ответ.

Черт меня заberi совсем! Это - ответ! Стихами...

Какая, к бесу, работа?! Да гори она синим пламенем!

Это – иная реальность. Отдельная. Не имеющая ничего общего с тем, из чего складываются будни. Окружающий мир мгновенно выцветает и истончается до полной прозрачности. Буквы и строчки необъяснимым образом превращаются в звук, в тембр голоса; смайлы – в прищур глаз, в улыбку, жесты. Это – легко, потому что все чувства обладают памятью. Душа живет в этом мире – мире памяти и воображения. Живет всего лишь два часа в сутки. Или в несколько суток. Ну и пусть! Зато живет по-настоящему: искрясь и сияя, смеясь, дыша полной грудью, танцуя и плача, освещая время и пространство еще не родившихся дней, расцвечивая их всеми красками настоящего, истинного бытия.

А потом два часа истекают, и с боем часов сказка выворачивается наизнанку. Золушка остается ждать на ледяном ветру – в слезах, без кареты и без туфелек. И наступает ночь. И, чтобы не сойти с ума, остается одно – вернуться в жалкую подделку под настоящую жизнь. Зацепиться хотя бы за нее, чтобы не сорваться в дурную бесконечность...

Брезжит серый свет за окном. Медленно проступают силуэты цветов на подоконнике. Все. Бесконечный двадцатичасовой день закончен. Голова на подушке. Мозг устало нашептывает:

- Ты сделала все, что могла...

- Ты сильная, ты справишься...

- Ты сильная...

- Ты...

Надолго его, впрочем, не хватает – он тоже нуждается хотя бы в кратком забытии. И тогда в оглушительной тишине становится слышен тихий, горестный плач:

- Родной мой... Где же ты? Без тебя я мертва... Живу, лишь пока ты рядом...

Это плачет Душа.

МБУК "ЦБС" г. Инта

МБУК "ЦБС" г. Иhta